Монополии-спруты

Африканские барыши «ДИАМАНГ»

В. ШЕЙНИС

В СВОЕЙ корреспонденции из Анголы один английский журналист познакомил читателей с таким эпизодом. Полицейский волочил по улице человека со связанными за спиной руками, нещадно хлестал его бичом из гиппопотамовой кожи, бил сапогом в живот и в голову.

— В чем виноват этот человек? — спросил журналист. Полицейский перевел дух и охотно ответил:

— Это доброволец, нанятый компанией на работу и пытавшийся бежать до окончания срока контракта.

«ДОБРОВОЛЬЦЫ» ПОД ОХРАНОЙ

Англичанин не ослышался, а его собеседник не оговорился: по португальскому закону трудящиеся Анголы нанимаются на работу только добровольно. Ведь Португалия как-никак состоит в ООН, и ее делегатам нередко приходится распинаться в том, что в «заморских провинциях» «корпоративной республики» принудительного труда давно нет.

Правда, из почтения к капиталам «ДИАМАНГ» португальское правительство сделало для нее ряд исключений. Согласно трудовому законодательству максимальный срок «контракта»—год. А «ДИАМАНГ» может держать у себя законтрактованного рабочего полтора года. Округ Лунда выделен исключительно для вербовочной деятельности «ДИАМАНГ», другим компаниям «контрактацию» здесь проводить воспрещается (это не означает, конечно, что сама «ДИАМАНГ» замыкается в округе Лунда). Кроме того, алмазной компании позволено «рекрутировать рабочих при участии властей».

Выглядит этот вид «найма на работу» следующим образом. В низовые звенья колониальной администрации поступает разверстка: сколько «добровольцев» должно объявиться в пределах каждого участка. В назначенный день старейшины окрестных африканских деревень посылают отобранных ими людей в селение, где располагается португальский «пост». Здесь, на центральной площади, перед зданием управы, «добровольцев» выстраивают в шеренги и проводят перекличку. Каждому из них вручают «подарок» компании — рубашку, брюки или набедренную повязку, короткое одеяло из хлопчатобумажной ткани, а также немного маниоковой муки и вяленой рыбы на дорогу.

С этого момента африканец всецело в руках компании. Он наслышан достаточно, чтобы знать, что это означает, и поэтому охотно выбросил бы «подарок» и вернулся к родным пенатам. Но недаром вокруг «законтрактованных» смыкается цепь полицейских. «Добровольцев» распихают по открытым грузовым машинам, поставят плечом к плечу для экономии места, обтянут веревкой для безопасности и повезут по разбитым дорогам Анголы через саванну, иногда за сотни километров, под палящим солнцем или проливным дождем. Тщетно завербованные будут вглядываться в лесные заросли, помышляя о побеге: на то и поставлена вооруженная охрана, чтобы довезти человеческий груз без потерь. Уж кто-кто, а охранник знает: не ровен час, сбежит «доброволец» — самому придется занять его место.

«Участие властей» с отправкой завербованных не кончается. Когда бы ни сбежал рабочий, хоть за месяц до окончания контракта, сведения об этом поступят на «пост», где он был завербован, и его жена будет немедленно брошена в тюрьму, хозяйство окончательно придет в запустение, дети останутся без

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 3 за 1964 год.

присмотра... Да и куда бежать? Разве есть в Анголе место, где бы можно было укрыться от «всевидящего глаза и всеслышащих ушей» «ДИАМАНГ»?

РАБЫ МОНОПОЛИЙ

Десятки тысяч ангольцев под бичами надсмотрщиков возделывают плантации европейских колонистов — лучшие земли страны. Их заработка едва хватает на самое скудное питание и уплату налога. Других сгоняют на «общественные работы»: ремонт и постройку дорог, мостов, административных зданий. За это никакой платы не полагается вообще. Обширные районы Анголы объявлены «концессионными зонами» по производству хлопка, риса, сизаля. Крестьянам предписывается, что они должны выращивать в собственных хозяйствах, сколько и когда работать на полях. Всю продукцию, без остатка, они обязаны сдавать на склады компаний, получивших концессии.

Многолико и многообразно современное рабство, навязанное народу Анголы португальскими «цивилизаторами». Но едва ли не самым страшным кругом колониального ада считают в этой стране работу на алмазных копях «ДИАМАНГ», где занято 20—25 тысяч африканцев. Каждые полтора года состав рабочих почти полностью обновляется. На северо-востоке Анголы со зловещей ритмичностью вращаются жернова гигантской колониальной душегубки, перемоловшей уже не одну тысячу человеческих жизней.

Ангольский крестьянин, возделывающий землю первобытными орудиями, корчующий пни громадных деревьев, проводящий недели и месяцы в сыром и душном тропическом лесу в поисках воска и каучука и при этом почти всегда живущий впроголодь, не боится труда и лишений. Но на службе «ДИАМАНГ» он узнает в полной мере, что значит каторжный труд и каторжный режим.

Едва занимается рассвет, надсмотрщики выводят колонны рабочих к карьерам. Все работы здесь выполняются вручную. Вот обыкновенной киркой рабочие долбят каменистую почву. Осколки расщепляемых камней, как ножи, вонзаются в оголенные ноги, живот, грудь. Раны гноятся, и ужасные язвы остаются на теле еще много месяцев после окончания контракта. Другим рабочим приходится, стоя по колено или по пояс в воде, разрывать речные берега, доставать из-под воды песок, в котором могут оказаться драгоценные камешки. От такой работы начинается лихорадка, распухает язык, голова гудит, как пчелиный улей, тело покрывается сыпью. Третьи перегоняют тяжелые вагонетки с извлеченной породой. Малейшая оплошность измученного человека — и его изуродованного извлекают из-под колес.

Но африканца на алмазных разработках гнетет не только изнурительный труд. Здесь все чуждо и враждебно его образу жизни. Нельзя сказать, чтобы несколько шариков из маниоковой муки и кусочек вываренного мяса или сушеной рыбы были менее питательны, чем то, что он ест дома. Но это непривычная пища, приготовленная кое-как, в огромных чанах, без приправ, к которым африканцы приучены с детства, и рабочий доходит до крайней степени истощения, прежде чем привыкает проглатывать паек без остатка.

Стальные решетки и колючая проволока ограждают всю территорию, где добываются алмазы. Хранение алмазов частными лицами после введения монополии «ДИАМАНГ» объявлено в Анголе уголовным преступлением. Вся военизированная охрана компании, и в первую очередь ее полиция, днем и ночью занята ловлей контрабандистов. Для десятков тысяч африканских рабочих, в каждом из которых директора компании видят потенциального вора, охранительные меры означают непрерывную полосу всяческих издевательств и унижений: им не разрешают встречаться с родственниками, которые хотели бы их навестить, обыскивают на каждом шагу, постоянно вынуждают принимать слабительное, держат взаперти в свободное время и даже по истечении срока контракта заставляют проходить длительный карантин с врачебным осмотром и просвечиванием рентгеном...

Немногочисленным иностранцам, посещающим владения «ДИАМАНГ», непременно показывают выстроенную здесь лечебницу. «Самая лучшая в Анголе. Стоила огромных денег. Такие больницы есть разве что в Южной Африке», — подчеркивают гиды. Что ж, компания заинтересована в том, чтобы использовать рабочую силу расчетливо, не допускать ее преждевременного износа. Вот и смотрят африканцы на больницу, как на тюрьму, где подлечивают людей, чтобы снова вывести их в алмазные карьеры. И опять начинается ад: в руке кирка, вокруг — летящие каменные осколки, а за спиной — настороженные надсмотрщики, каждый из которых стремится показать начальству свое рвение.

Но вот истекают бесконечные полтора года, обусловленые контрактом. Рабочий вымотан до предела, такие компании уже не нужны, ее вербовщики и колониальные чиновники позаботятся о новом пополнении. Начинается расчет. За вычетом стоимости ежедневного питания и «подарков», полученных при найме, африканцу причитается 6—7,5 эскудо (около трех центов) в день. Это в 50 раз меньше заработка здешнего рабочего-европейца. Недаром «ДИАМАНГ» славится и тем, что платит горнякам, набранным из коренного населения, по самым низким ставкам на всем континенте. И все же за полтора года на счету рабочего могло бы накопиться до 2,5 тысячи эскудо — сумма для него немаленькая. Но оказывается, что африканец в любом случае уже задолжал компании: за него был выплачен налог, из его заработка вычитают расходы на лечение, стоимость всех покупок, сделанных в местных лавках (которые, конечно, тоже принадлежат компании), стоимость сломанного инструмента... Остается несколько сот эскудо, на которые африканец покупает безделушки в подарок многочисленной родне, и покидает прииски без гроша в кармане. Расчет завершен.

...Звездной тропической ночью у костра в родной деревне пришельцы с алмазных копей, обнажив незаживающие язвы, пропоют своим соплеменникам новые песни, расскажут о том, что им довелось пережить. И таковы будут эти песни, такой страстью и гневом будут полны рассказы, что даже старые воины, которые не знали страха в бою против чужеземных захватчиков, содрогнутся от ужаса и ненависти.

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ «ДИАМАНГ»

К пограничному посту чуть к северу от города Португалия подкатил грузовик. Фонарик в руках таможенного чиновника осветил номерной знак, кабину, нескольких вооруженных людей и какие-то ящики в кузове. Еще до того, как таможенник взял пачку документов из рук человека, сидящего рядом с водителем, он понял: машина принадлежит алмазной компании. В сопроводительном листе зна-

чилось, что груз в кузове — несколько ящиков «кока-колы» — направляется в город Чикапа. Таможенный чиновник служит не первый год, он отлично понимает, что никто не повезет через всю Анголу дешевый напиток в громоздких ящиках только для того, чтобы переправить его через границу, а если бы и везли действительно «кока-колу» — смешно было бы посылать такой груз под вооруженной охраной. Но еще тверже чиновник знает основную заповедь местной службы: можно навлечь на себя гнев губернатора, но нельзя рассердить директора «ДИАМАНГ». Поэтому он не станет проявлять неуместного любопытства и даст знак поднять шлагбаум... Через три с половиной часа машина останавливается перед зданием правления орудующей на территории Конго компании «Форминьер», которая принимала участие в создании «ДИАМАНГ» и теперь владеет контрольным пакетом ее акций. Молодчики с автоматами быстро перетаскивают «кока-колу» в подвалы.

Чтобы понять смысл этой таинственной операции, необходимо обратиться к закулисным связям между «ДИАМАНГ» и португальскими властями. Эти отношения регулируются рядом контрактов, которые предоставляют алмазной компании исключительные права на разведку и добычу алмазов не только в округе Лунда, который давно уже стал своего рода вотчиной компании, но и на большей части территории всей Анголы. Органы колониальной администрации обязаны оказывать компании всяческую помощь. Она освобождена от налогов на экспорт и импорт, от всякого рода взносов и пошлин, располагает важными льготами на вывоз доходов в иностранной валюте. За все это она должна вносить в государственную казну Португалии половину той части чистой прибыли, которая остается после выплаты богатой тантьемы заправилам компании.

По явно заниженным данным, которые представляет сама компания и которые не могут быть никем проверены, «ДИАМАНГ» ежегодно выручает около 150 тысяч конто[1] чистой прибыли. Следовательно, Лиссабон каждый год получает от компании около 70 тысяч конто.

Однако, как мы видели, не существует никаких препятствий, которые могли бы помешать компании перебросить часть добычи алмазов, не отраженную в отчетности, на территорию Конго, туда, где правит «Форминьер». Какая часть алмазов утекает подобным образом из-под контроля португальского фиска, могли бы, вероятно, сообщить таможенные чиновники, но они предпочитают хранить молчание.

«ДИАМАНГ» именуют нередко «самой выдающейся частной корпорацией Португалии». Не потому ли, что всеми делами в ней заправляет не португальский капитал? Не потому ли, что ее деятельность наиболее наглядно демонстрирует слияние интересов крупнейших международных концернов и фашистской клики Салазара?

Португальские колонизаторы кичатся тем, что они первыми пришли в Африку. Нет сомнений, однако, что их «заморские территории» ждет судьба британской, французской, бельгийской колониальных империй — и в самом недалеком будущем. Пламя национально-освободительной борьбы, бушующей в Африке, уже перекинулось в Анголу. В этом очистительном пламени сгорит и такое порождение колониализма, как «Компания дуж диамантиж де Ангола».

[1] *Одно конто* равно тысяче эскудо, или 35 долларам.

«Райский сад Джахангира»

Говорят, над входом в императорский сад Великого Могола Джахангира в Лахоре висела надпись: «Если есть на земле рай, он здесь! Он здесь!»

Такая же надпись, только незримая, встречает иностранных вкладчиков капитала при въезде в Пакистан.

Экономика этой страны давно уже стала для них «райским садом Джахангира». Они могут вкладывать здесь свои капиталы в любые отрасли экономики, которые им нравятся, или, вернее, сулят высокие прибыли, даже если это наносит ущерб национальному капиталу; они могут также беспрепятственно переводить свои прибыли и капиталы за границу.

Не удивительно, что за четыре года (с апреля 1959 по июнь 1963 года) иностранные инвестиции в Пакистане достигли 349,8 миллиона рупий. 213,5 миллиона рупий вложено в форме капиталов с разрешенным переводом за границу.

Львиная доля всех частных инвестиций за этот период сделана англичанами. Сумма их вкладов составляет 123,9 миллиона рупий (34,4 процента общих иностранных вложений). На втором месте — Америка — 53,7 миллиона рупий (15,4 процента), на третьем месте — Западная Германия. Ее инвестиции почти равны американским — 51,7 миллиона рупий (14,8 процента). Дальше идут британская Восточная Африка (12,8 процента), Швейцария (4,2 процента) и Япония (2,6 процента). Среди вкладчиков частного иностранного капитала в Пакистане значатся также Франция, Италия, Швеция, Австрия, Бельгия и Голландия.

Следуя старой традиционной колониальной политике, иностранный капитал идет в отрасли с наибольшей оборачиваемостью средств. Так, в текстильную промышленность западные дельцы вкладывают 127,4 миллиона рупий (36,4 процента), в химическую — 55 миллионов рупий, пищевую 40,9 миллиона рупий, в производство электротоваров — 35 миллионов рупий, в ремонтные мастерские — 45,3 миллиона рупий и в горнорудную промышленность — 18,9 миллиона рупий.

Но тщетно пакистанцы искали бы данных о том, как иностранный капитал помогает их стране создавать тяжелую промышленность,— здесь для них — не «райский сад».

А. ЧАГТАЙ